

Ольга ПАНОВА

ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ГОСТЬ: КЛОД МАККЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ*

Аннотация: Статья посвящена советским контактам афроамериканского поэта и прозаика Клода Маккея, изданиям его произведений в СССР и оценке его творчества в советской литературной критике. К. Маккей, прибывший в Петроград в 1922 г. в качестве делегата IV Конгресса Коминтерна, провел около полугода в Советском Союзе. Его приезд вызвал волну интереса к его поэзии; первые издания двух его книг – сборника рассказов «Судом Линча» (1924) и написанной в СССР публицистической работы «Негры в Америке» (1923) были советскими и вышли на русском языке; американские издания появились только в 1970-е гг. Находясь в СССР, Маккей широко контактировал с политиками, лидерами советского государства, литературными и артистическими кругами. Его впечатления от России отразились в поэтическом творчестве, статьях, мемуарах, анализ которых позволяет лучше представить себе причины эволюции взглядов Маккея от симпатий к коммунизму до разочарования в коммунистической идее и сталинском СССР. Образ Маккея в советской критике и публицистике 1920-х гг. также претерпел трансформации, обусловленные как эволюцией взглядов и творчества писателя, так и его контактами с Троцким и Максом Истменом. Вначале шел процесс конструирования образа революционного негритянского автора, друга СССР, сделавшего своим героем черный пролетариат, но уже после выхода русских переводов романов «Домой, в Гарлем» и в особенности «Банджо» (1929 и 1930) Маккея аттестуют как дезориентированного и националистически настроенного люмпен-интеллигента, божьего автора. Попытка создать из Маккея идеального представителя угнетенного негритянского народа и черного пролетариата оказалась безуспешной, и в 1930-е гг. публикации стихов Маккея в СССР крайне редки, а в критике он практически не упоминается. В статье использованы материалы американской и советской прессы 1920-х гг. и архивные материалы.

Ключевые слова: Клод Маккей, история литературы США, афроамериканская литература, советско-американские литературные связи, литературная политика, Коминтерн, «Негры в Америке», травелог, мемуары, литературная репутация, архивные материалы.

© 2019 Панова Ольга Юрьевна (доктор филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; вед. научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва) olgapanova65@gmail.com

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00241 А «История афро-американской литературы XVIII-XX вв.»

Olga PANOVA

EXOTIC VISITOR: CLAUDE MCKAY IN THE SOVIET UNION *

Abstract: The paper concentrates on Claude McKay's Soviet contacts, editions and his image in the Soviet literary criticism of the 1920s. Claude McKay arrived in Petrograd in 1922 as a delegate to the Fourth Congress of the Communist International and spent about 6 months in the USSR. His visit aroused interest in his poetry; two of his books – a collection of short stories *Trial by Lynching* (1924) and *Negroes in America* (1923) – were published for the first time in the USSR in Russian, their American editions haven't appeared before 1970s. Claude McKay had vast contacts with Soviet leaders, writers, poets, artists, theater managers. His poems, essays and memoirs about his "Russian pilgrimage" help to understand both his interest in communism and his disappointment in the leftist movement and stalinism. McKay's literary reputation in the Soviet Union underwent a change during the 1920s due to his evolution as a writer and his contacts with Leon Trotsky and Max Eastman. First he was introduced as a revolutionary American Negro author writing about Black proletariat, and a "friend of the Soviet Union"; however in late 1920s when his novels *Home to Harlem* and *Banjo* were published in Russia, critics stigmatized McKay as a "Bohemian lumpen-intellectual" and a petty bourgeois Black nationalist. McKay failed to become a symbol of the oppressed American Black proletariat; in the 1930s his poems are published very rarely, his name practically disappears off the Soviet literary criticism. The paper uses publications of American and Soviet press of the 1920s and archived documents.

Keywords: Claude McKay, American literary history, African American literature, Soviet-American literary connections, politics of literature, Comintern, *Negroes in America*, travelogue, memoirs, literary reputation, archived materials.

© 2019 Olga Yu. Panova (Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; Lead research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow) olgapanova65@gmail.com

* Acknowledgements: the research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-012-00241 A "African American Literary History, XVIII-XX Century."

В СССР «негритянская проблема США» всегда расценивалась как один из козырей в идеологической войне с капиталистической Америкой. Важным участком в этой работе был и «литературный фронт». В 1920-е гг. в СССР знакомство с афроамериканской литературой только начинается: переводов выпускалось совсем мало¹, немного (менее десятка) было и рецензий, обзоров, литературно-критических статей. Завязываются самые первые литературные контакты с чернокожими американскими писателями – Советский Союз посещают Клод Маккей (1922-1923) и Уильям Дюбуа (1926). Согласно законам, по которым конструировался советский образ «литературы американских негров», требовался хотя бы один негритянский писатель достаточно крупного масштаба, творчество которого служило бы доказательством роста сознательности и идеологической зрелости чернокожих американцев; важно было, чтобы этот писатель трактовал расовый вопрос в рамках марксистско-ленинского классового подхода и мог выступить как «флагман» угнетенного негритянского народа. В 1930-е гг. таковым стал Лэнгстон Хьюз, а на рубеже 1930-х-1940-х гг. – Ричард Райт. Первым же оказался в роли главного «советского» американского негритянского писателя уроженец Ямайки Клод Маккей (Claude McKay, 1889–1948)².

Маккей приехал в США в 1912 г. для учебы сначала в негритянском университете Таскиги, затем в Университете штата Канзас. С 1914 г. он поселился в Нью-Йорке, печатался в прессе, в том числе в модернистском журнале *Seven Arts*. Довольно быстро обнаружили его левые симпатии. С 1919 по 1922 г. Маккей был одним из редакторов журнала Макса Истмена *Liberator*; там в июльском выпуске 1919 г. он опубликовал свое знаменитое стихотворение «Уж если умереть нам суждено» (“If We Must Die”), перепечатанное затем в афроамериканском левом журнале *Messenger* и в британском *Workers' Dreadnought*. Маккей вступил в «Африканское кровное братство по освобождению Африки» (African Blood Brotherhood for African Liberation and Redemption – ABB), радикальную левую организацию, созданную в 1919 г. в Нью-Йорке

¹ Не считая произведений К. Маккея, были изданы по одному роману У.Э.Б. Дюбуа («За серебряным руном», 1925) и Джесси Р. Фосет («Черная кожа», 1927), два романа Уолтера Уайта («Огонь из кремня», 1926 и «Побег», 1927), а также два перевода нашумевшего романа белого писателя К. Ван Вехтена о Гарлеме «Негритянский рай» (в 1928 и 1927 гг.).

² Контакты К. Маккея с СССР часто привлекали внимание исследователей. См. напр. [Tillery 1992, Haas 2007, Gosciac 2008, Zumoff 2010, Tagirova-Daley 2012, Tagirova-Daley 2014, Iuliano 2015].

журналистом Сирилом Бриггсом, который был родом из Вест-Индии, как и Маккей. «Братство» конфликтовало с движением Маркуса Гарви и все более сближалось с коммунистами; к 1922 г. произошло окончательное слияние «Братства» с компартией – Рабочей Партией Америки (основанной в том же 1919 г.). Маккей также стал «уоббли» – членом организации «Индустриальные рабочие мира», тесно общался с британскими левыми организациями – Международным социалистическим клубом и Рабочей социалистической федерацией; находясь в Британии в 1919–1920 гг., он присутствовал на учредительной конференции по созданию компартии Британии³. Поездка в советскую Россию в этой ситуации выглядела совершенно естественным шагом для афроамериканского поэта.

Для афроамериканцев советский эксперимент был особенно притягательным, так как он обещал разрешение не только классовых, но и национальных и расовых конфликтов. Советская Россия виделась им как антипод американской модели расовых отношений, «земля обетованная» для угнетенных расовых и этнических меньшинств [Naas 2007: 111–113; Baldwin 2002: 1, 14, 21]. Это было так и для К. Маккея: «У меня было всепоглощающее желание поехать туда, и это открыло мне путь. Гром русской революции пронесся по всему миру, его услышали миллионы простых людей, тысячи писателей» [McKay 1970: 153].

Расовый вопрос в США привлекал внимание архитекторов русской революции с самого начала. Еще в 1919 г. в Коминтерне зреет идея созыва всемирного негритянского съезда⁴, Джон Рид составляет на имя Зиновьева большую докладную записку о положении негров в США⁵. Внимание к «негритянскому вопросу» в США было проявлено лично Лениным в ходе подготовки ко Второму Конгрессу Коминтерна (1920 г.), где одной из важных тем стала проблема колониализма, угнетенных наций и национальных меньшинств. Готовя тезисы к докладу и резолюцию по национальному и колониальному вопросу, Ленин включил пункт «Негры в Америке» в список наиболее актуальных проблем, а также отметил, что «необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или

³ Подробнее об этом периоде биографии Маккея см. [Cooper 1987].

⁴ Письмо Малого бюро ИККИ от 25.2.1919 Джону Риду и др. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1.

⁵ Докладная записка Джона Рида Г. Зиновьеву о негритянском вопросе в США. 31.12.1919. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1. Л. 3–11.

неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях» [Ленин 1981: 161, 165].

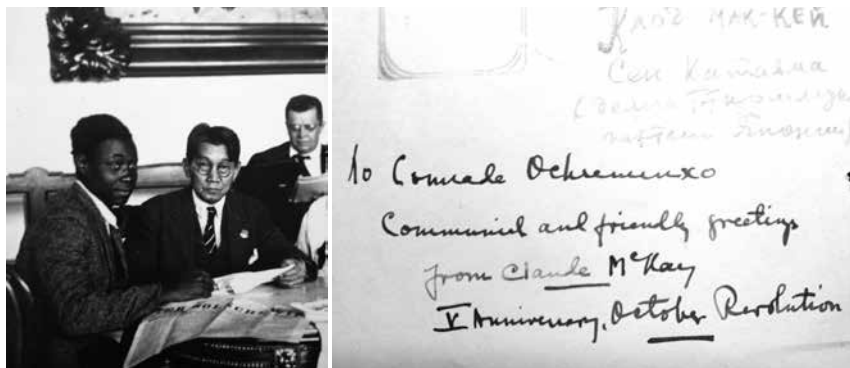
По согласованию с Лениным, Джон Рид рекомендовал Маккея для приглашения на Третий Конгресс Коминтерна, планировавшийся в 1921 г., как делегата, который может выступить по негритянскому вопросу [Carew 2014: 4; Cooper 1987: 107]. Однако в октябре 1920 г. Джон Рид умер, а Маккей отложил поездку в Россию: он «набирался опыта», сотрудничая в Лондоне с социалистами – Сильвией Панкерст и журналом *Worker's Dreadnought* (осень 1919–начало 1921), а также с Истменом и его журналом *Liberator* в Нью-Йорке (куда Маккей вернулся из Британии в начале 1921 г.). Только в 1922 г. Маккей совершил свое «волшебное паломничество» (magical pilgrimage) в Советскую Россию [McKay 1970: 151]: как представитель угнетенного расового меньшинства, сочувствующий коммунистическим идеям, он отправился на Четвертый Конгресс Коминтерна – поскольку там планировалось обсуждение «негритянского вопроса». В своих мемуарах Маккей подчеркивает, что ему пришлось самостоятельно изыскивать средства и способы попасть на конгресс [McKay 1970: 64–65]: в сентябре 1922 г. он отбыл из Нью-Йорка в Британию, нанявшись кочегаром на грузовое судно, потом через Берлин вместе с делегацией Британских коммунистов добрался до СССР⁶. Маккей был вдохновлен теплым приемом, энтузиазмом и праздничной атмосферой:

Я добрался до России в ноябре – в этом месяце начинался Четвертый Конгресс Коминтерна. Вся революционная нация в едином порыве праздновала это событие. Петроград был великолепен, весь в красных флагах и вымпелах. Красные флаги на фоне снега, на высоких гранитных зданиях. Украшено было все – поезда, автомобили, фабрики, магазины, гостиницы, школы. Это было торжество, в котором активно участвовал и я, представитель негритянской расы. Меня принимали так, словно давно ждали моего приезда. Когда 7 ноября мы с Максом Истменом пытались протиснуться сквозь плотную толпу на Тверской, крепкие молодые люди подхватили меня и стали качать, подбрасывая в воздух... вскоре я был уже нарасхват – лекции перед поэтами и журналистами, митинги среди рабочих и солдат. Постепенно я осознал, что меня чествовали как символ, как представителя американских негров... которых в моем лице радостно

⁶ См. письмо К. Маккея в Секретариат ИККИ в Приложении.

приветствовали освобожденные советские рабочие [МакКау 1923–1924: 65].

По прибытии в Россию Маккей обратился в Коминтерн с просьбой разрешить ему присутствовать на Конгрессе в качестве независимого наблюдателя, и несмотря на сомнения, выраженные американскими коммунистами и главой американской делегации Дж. Карром⁷, был включен в списки делегатов Конгресса. Это стало возможно в первую очередь благодаря поддержке авторитетного японского коммуниста Сен Катаямы, тесно связанного с американским левым движением и кругом Джона Рида: Катаяма подтвердил компетентность Маккея в области негритянского вопроса и право выступать от лица негритянского пролетариата [Cooper 1987: 173–174; МакКау 1970: 64–65; Carew 2014: 4; Gosciac 2008: 80]. Сам Маккей указывает еще одну причину того, что ему удалось стать делегатом Конгресса, – симпатия, которую он вызывал у советских людей, оказавших ему самый теплый прием [МакКау 1923–1924: 167–168]: «Ни разу в жизни не был я так горд тем, что я – черный, африканец... Я триумфально шествовал из Москвы в Петроград и из Петрограда в Москву – сюрприз за сюрпризом» [МакКау 1970: 168]. Действительно, Маккей «дефилировал» между обеими столицами: он прибыл в Петроград к началу Конгресса, который от-

Делегаты IV Конгресса Коминтерна – Клод Маккей и Сен Катаяма. Фотография с дарственной надписью Маккея: «Товарищу Охремичко с коммунистическим и дружеским приветом от Клода Маккея. Пятая годовщина Октябрьской революции». Источник: фонд П.Ф. Охремичко в РГАЛИ.

⁷ Джон Карр (John Carr), настоящее имя – Людвиг Эрвин Альфред Каттерфилд – «Голландец» (Ludwig Erwin Alfred “Dutch” Katterfeld, 1881–1974) – заметный деятель американской компартии, занимавший там ряд ответственных должностей и бывший, в числе прочего, представителем в Коминтерне. О позиции Дж. Карра в связи с прибытием Маккея на Конгресс см. письмо Маккея в ИККИ в Приложении.

крылся там 5 ноября, а затем поехал в Москву, где Конгресс с 9 ноября до 5 декабря продолжал свою работу.

Добавим от себя еще одно соображение – возможно, важным аргументом в пользу Маккея стало его участие в «Африканском кровном братстве». 18 июня 1922 г. Дэвид Айвон Джонс⁸ в докладной записке в ИККИ, посвященной негритянскому вопросу в США, высоко отозвался об этой организации как о союзнике советской России и коммунистического движения, а также как о силе, способной противостоять популярному среди афроамериканцев гарвеизму:

Гарви и его организация «Универсальный Союз по улучшению жизни негров» указывает на незрелое самосознание негров, находящийся в первой стадии своего пробуждения. Но все более и более растущую группу передовых негров, в своей борьбе обращающих взоры к советской России, обмануть нельзя. Под знаменем союза «Братство африканской крови» в тесном контакте с белыми рабочими Америки, проникнутыми чувством классового самосознания, они указывают путь пролетарского освобождения как единственный путь для своих угнетенных братьев-негров в Африке и Америке⁹.

Вторым афроамериканским делегатом Третьего Конгресса был уроженец Суринама, чернокожий делегат от компартии США Отто Хьюисвуд, член «Африканского кровного братства», вступивший в Рабочую партию Америки летом 1922 г. [см. о нем Enckevort 2006, Carew 2009: 25; Carew 2014: 5]. Оба негритянских делегата – и коммунист Хьюисвуд, и «сочувствующий» Маккей – выступили с речами по «негритянскому вопросу», внесенному в повестку Конгресса. Хьюисвуд, выступавший на Конгрессе под именем Дж. Биллингс, в своей речи заявил о необходимости объединения трудящихся негритянской расы как в США, так и в Африке для борьбы с империализмом и колониализмом и созыва в Москве конгресса негритянских организаций. Маккей начал свое выступление напоминанием о том, что он не политик,

⁸ Дэвид Айвон Джонс (1883–1924) в 1909 г. уехал из родного Уэльса в Южную Африку, активно участвовал там в социалистическом и рабочем движении, стал делегатом Второго и Третьего Конгрессов Коминтерна; перевел ряд работ Ленина на английский. Участвовал в создании и в работе Негритянского бюро Коминтерна. Умер в санатории в Ялте, похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁹ Замечания Айвона Джонса о созыве негритянского конгресса (март–июнь 1922). РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 16–17.

а поэт – и упомянул свое стихотворение «Коль умереть нам суждено», создавшее ему репутацию левого активиста:

Товарищи, мне было бы легче оказаться лицом к лицу с толпой линчевателей в нашей цивилизованной Америке, чем выступать перед столь интеллектуальной и критически мыслящей аудиторией, представляющей весь мир. Я из числа творческих натур, и мне не раз говорили, что лучше мне не произносить речей, а сочинять и забавлять публику. Однако когда я узнал, что на повестке дня этого Конгресса будет негритянский вопрос, я подумал, что никогда не прощу себе, если не скажу об этом несколько слов от имени моей расы. Особенно стыдно мне было бы перед американскими неграми: ведь с тех пор, как я опубликовал в 1919 году свое знаменитое стихотворение, меня выдвинули на роль глашатая негритянского радикализма в Америке, хоть это и не пошло на пользу мне как поэту [Report on the Negro Question 1923: 16].

Маккей назвал негров «расой земледельцев, лесорубов и водоносов», которую не может не привлечь цель Коминтерна – освобождение трудящихся во всем мире, и отметил, что мировая буржуазия, стараясь воспрепятствовать революционному движению, разыгрывает «карту расового вопроса», разжигая предрассудки и раскалывая единство рабочего движения. Тексты выступлений Хьюисвуда и Маккея были напечатаны в органе Коминтерна «Инпрекоре», а резюме выступлений помещены также и в советской прессе [McKay 1923; Report on the Negro Question 1923; Негритянский вопрос 1922].

На Конгрессе была принята разрабатывавшаяся ИККИ с начала 1922 г. «Резолюция по негритянскому вопросу» – о положении негров и задачах Коминтерна в связи с этим в Африке и Северной Америке¹⁰; снова была подчеркнута необходимость проведения в Москве «всеобщего негритянского съезда». Сразу после Четвертого Конгресса было учреждено Негритянское бюро Коминтерна¹¹, с мая 1923 г. начались его регулярные заседания.

Обоих негритянских делегатов сделали почетными членами Московского Совета [Turner 2005: 107, 109], а Маккей благодаря его колоритной внешности стал объектом внимания фотографов: было сделано много снимков, в том числе и знаменитая фотография, запечатлевшая

¹⁰ Предложение ИККИ о созыве всемирного негритянского конгресса. 01.01.1922. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 5.

¹¹ Выписка из решения ИККИ по негритянскому вопросу. 18.12.1922. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 2.

его выступление в Тронном зале Кремля. Исследователи подчеркивают, что Маккей стал орудием советской пропаганды [Baldwin 2002: 39; Carew 2014: 5]; он сам понимал это и был польщен: «...мое черное лицо, запечатленное на фотографиях вместе с лицами советских руководителей, было повсюду – на центральных улицах, на стенах домов... меня фотографировали вместе с популярными лидерами мирового коммунизма,.. с офицерами советского флота и армии» [McKay 1970: 170–171].

В Москве Маккей общался с рядом крупных партийных и государственных деятелей – Зиновьевым, Бухариным, Троцким. Троцкий вдохновил К. Маккея на написание публицистической книги «Негры в Америке», изданной в СССР в 1923 г. [Маккей 1923в]. В эту книгу вошло письмо Троцкого «дорогому товарищу Маккею» – ответы на пять вопросов Маккея о положении черной расы в современном мире [Маккей 1923в: 15–20], напечатанных в «Инпрекоре» [Trotzky 1923]. В письме Маккею Троцкий особо отмечал роль передового отряда чернокожих интеллектуалов:

...важно иметь уже сейчас, немедленно, хоть небольшое количество передовых негров, молодых, самоотверженных, кровно заинтересованных в поднятии материального и морального уровня негритянской массы и способных в то же время умственно связывать ее судьбу...с судьбой международного рабочего класса. Воспитание черных пропагандистов есть неотложнейшая и крайне важная революционная задача настоящего времени. В Северной Америке дело осложняется отвратительным тупоумием и кастовым высокомерием привилегированных верхов самого рабочего класса, не желающих видеть в негре собрата по труду и борьбе... Одной из важнейших областей этой борьбы против капиталистического растления сознания пролетарских масс является пробуждение человеческого достоинства и революционного протеста в черных рабах американского капитала. Эту работу могут выполнить лучше всего...только самоотверженные и политически воспитанные негры-революционеры [Маккей 1923в:17].

Маккей увлеченно работал над книгой, пользуясь не только привезенными с собой справочниками и изданиями НАСЦПН, но и библиотекой Коминтерна. Его книга состоит из 9 глав. Первая, обзорная, посвящена истории негров с момента отмены рабства и до начала 1920-х гг.: Маккей пишет о Ку-Клукс-Клане, идеологии и дея-

тельности Букера Т. Вашингтона, ситуации черной интеллигенции, влияния Первой мировой на негритянский вопрос (обсуждению этой последней темы и было в основном посвящено общение Маккея с Троцким). Следующие две главы отведены взаимоотношениям негров с лидерами рабочего движения (С. Гомперс, Уильям З. Форстер, Билл Хейвуд) и Рабочей партией Америки. Есть главы, посвященные неграм в спорте, искусстве, музыке, а также глава «Негры в английской литературе», большую часть которой занимает очерк истории негритянской литературы США. Маккей характеризует афроамериканский диалект, фольклор, критически анализирует образ негра, сложившийся в белой литературе и критике, и останавливается на творчестве трех чернокожих авторов – Филис Уитли, Пола Данбара и (особенно подробно) Уильяма Дюбуа, о котором он пишет как о фигуре исключительного значения для современной Америки. Маккей подчеркивает его прогрессивные взгляды, выгодно отличающие его от конформиста Букера Т. Вашингтона, объявляет Дюбуа прямым наследником крупнейшего черного аболициониста Ф. Дугласа, высоко оценивает его книгу «Души черного народа» (1903), социологическое исследование «Негры Филадельфии», а также работу в «органе цветной интеллигенции» – журнале *Crisis*. При этом совершенно в духе советских установок 1920-х гг. Маккей указывает на «классовую ограниченность» Дюбуа как вождя интеллигенции («чисто академический интеллект удерживал его в пределах политического оппортунизма и реформизма» [Маккей 1923в: 114]). Впрочем, раскритиковав Дюбуа как публициста и общественного деятеля, Маккей отдает ему пальму первенства среди черных писателей:

Дюбуа сохраняет за собой никем не превзойденное первенство в литературной области. Нет другого американского писателя-негра, который бы обладал таким ясным, чистым и в то же время возвышенным, красочным языком [Маккей 1923в: 114].

Часть, посвященная У. Дюбуа, оставляет впечатление наиболее цельной и продуманной. В целом же очерк Маккея о литературе полон логических неувязок и противоречий. Так, например, Маккей уничтожительно отзываясь о творениях первой чернокожей афроамериканской поэтессы Филис Уитли: стихи ее «отличались совершенством формы и больше никаких достоинств за ними не имеется» [Маккей 1923в: 110], содержательно ее поэзия неинтересна, все поэты, и современники, и позднейшие, писали по-английски гораздо лучше нее и т.д. Непонятно,

при этом, как все это согласуется с выводом, что «стихи Уитли занимают видное место в американской литературе своего времени» [Маккей 1923в: 110].

Подобные «несостыковки» не сводятся только к особенностям «поэтического мышления» автора, но отражают переходный, неустойчивый характер эпохи. Маккей пишет о негритянской литературе США в период кризиса и ревизии ценностей, начавшихся с рубежа 1890-х–1900-х гг.: в это время происходит переоценка роли и значения фольклора, который начинает постепенно восприниматься как важный факт культуры, а не как набор «дикарских» предрассудков и атавизмов; идет смена ассимиляционистских установок интеграционистскими, с рубежа 1910–1920-х гг. стартует «негритянский ренессанс», набирает обороты мода на «экзотический негритянский примитив» в США – и все это при сохранении сегрегации и расового неравенства.

Говоря о богатстве негритянского фольклора, Маккей уже признает за фольклором статус культурной ценности – но возражает против попыток видеть в нем базовую матрицу афроамериканской культуры (идея, которая ныне широко бытует в афроамериканских исследованиях):

Белые критики объявили этот негритянский фольклор отличительным вкладом негров в художественный мир запада. Это так и есть. В этом критики правы. Но они делают большую ошибку, когда превращают этот экзотический цветок, выросший в ненормальной чужой обстановке, в гуще индустриального развития нового мира, в основу критики художественных устремлений современных негров. Исходя из этой ложной предпосылки, белые критики подходят к поэзии негров настоящего дня с надеждой найти в них диалект и привкус негритянского фольклора. И некоторые негритянские писатели пытались удовлетворять этой критике, делаясь до мелочности подражательными и рабски банальными [Маккей 1923в: 111].

Казалось бы, логично предположить, что раз следом за этим фрагментом начинается разговор о Данбаре, его стихи, написанные на «негритянском диалекте» и стяжавшие ему общенациональную славу первого чернокожего поэта-лауреата, будут раскритикованы Маккеем именно как рабски потворствующие вкусам белой публики, ведь т.н. «негритянский диалект» – условный конструкт, созданный белыми артистами минстрел-шоу и писателями-южанами первой трети XIX в., и впоследствии

усвоенный чернокожими авторами. «Поэзия на диалекте» как белых, так и афроамериканских авторов, носила сугубо литературный характер и в целом отвечала конвенциям в изображении черной расы, которые сложились в белой культуре. Сам Данбар, как известно, хотел быть Поэтом, а не «негритянским поэтом», и считал свои стихи на диалекте поделками на потеху белой публике. Однако Маккей, как ни странно, из всего наследия Данбара положительно оценивает только его поэзию на диалекте: она «полна оптимизма» и доказывает, что «дух поэта гармонировал с жизнью негритянских рабочих», в то время как данбаровские стихотворения на литературном английском языке, «гораздо хуже», а «его романы и мелкие рассказы совсем плохи» [Маккей 1923в: 112].

Такая оценка данбаровских стихов на диалекте еще более удивительна, поскольку далее Маккей сетует на неадекватное изображение негра в белой литературе США, упоминая при этом стереотипы, клишированные ригидные амплуа, к которым сводится изображение «негритянского характера», – а именно эти клише широко бытуют в поэзии на диалекте, генетически тесно связанной с минстрел-шоу.

Со времен появления в свет «Хижина дяди Тома» ни один американский писатель не брал предметом своего творчества негра как реальный материал в американской жизни [...] белые литераторы, упорно жертвующие интересами художественной правды и создающие нереальные негритянские типы – клоунов, преступников, сентиментальных черных «мамаш» и преданных черных экономов, – слишком ясно доказывают, что они стараются прислуживать взглядам своего класса в вопросе о неграх. Они во всяком случае служат своим интересам и классу, в то время как негритянские писатели, безусловно не служат своим интересам и классу [...] А широкие массы негров хихикают при чтении полухудожественных карикатур на них самих в беллетристических журналах [...] Таким образом белые клеветники на негров достигают определенной цели, в то время как цветные писатели не достигают никакой цели [Маккей 1923в: 114–115].

Маккей стремится вскрыть механизм того, как в доминантной белой культуре конструируется идеологически заданный образ черной расы, как происходит его усвоение черной культурой и идентификация с ним черных американцев. В духе марксистского классового подхода Маккей указывает на связь «пропагандистской» модели черной расы с классовыми интересами «заказчика» (белой буржуазии), его «при-

служника» (белой интеллигенции) и его невольного пособника (негритянской интеллигенции); черная же «масса» предстает как одураченная жертва этого классово-расового пасьянса.

Продемонстрировав, что наставления Троцкого хорошо усвоены, Маккей резюмирует: «...всякий негритянский писатель, хоть сколько-нибудь проявивший себя в своем деле, вовлечен в деятельную работу в области пропаганды» [Маккей 1923в: 116]. Он рекомендует негритянским писателям учиться отстаивать свою расово-культурную самобытность [Маккей 1923в: 117] – и при этом несколькими страницами выше критикует попытки искать «диалект и привкус фольклора» в негритянской литературе и видеть в нем «основу художественных устремлений современных негров». Скрещение поэтического мышления с марксистской теорией поистине дали в этом историко-литературном очерке странные всходы.

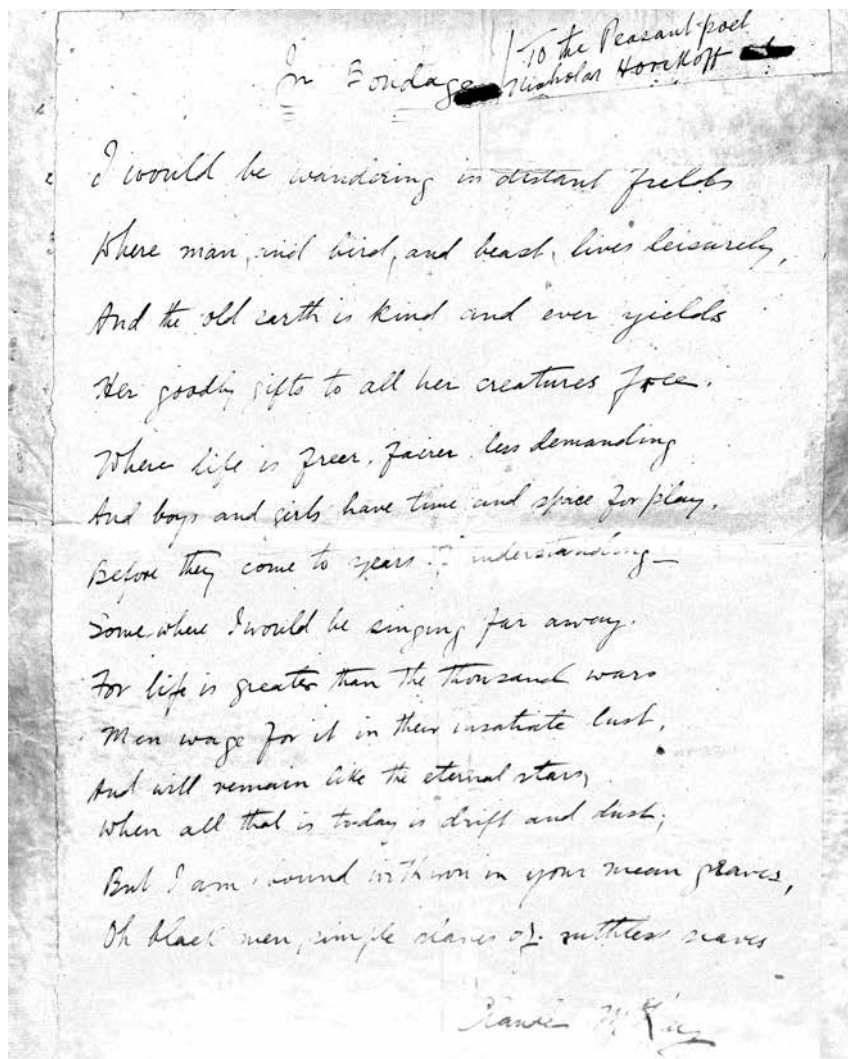
Вторым советским книжным изданием Маккея стал сборник «Судом Линча» (1925) [Маккей 1925], включивший три небольших рассказа – «Судом Линча», «Мулатка», «Возвращение солдата». Темой, как явствует из заглавия, стала практика линчеваний, бывшая в ходу на Юге США со времен окончания Реконструкции. Обе эти книги, выпущенные в период увлечения К. Маккея коммунизмом и советским социальным экспериментом, были изданы на русском языке, а их английские оригиналы оказались утрачены. Обратные переводы на родной язык автора были сделаны только в 1970-х гг. [Маккей 1977: 37¹²].

Впечатления от пребывания в советской России отразились в поэтическом творчестве Маккея – в стихотворениях «К “святой” Руси» (“To ‘Holy’ Russia”, опубл. в *Workers' Dreadnought*, 1920, Feb. 28), «Москва» (“Moscow”, 1922), в котором русская столица предстает в облике Византии [Ramesh Rani 2006: 84], в навеянном посещением Исаакиевского собора «Русском Соборе» (“Russian Cathedral”, 1925)¹³. Восторженно описывая грандиозное сооружение, поэт, восхищенный величием храма, несмотря на религиозную лексику и торжественность интонаций, призывает склониться не перед Богом, а перед красотой и перед человеческим гением – «божественной сущностью человека,

¹² Перевод последней книги был выполнен с русской рукописи, хранившейся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. См. [Baldwin 2002: 28, 59, 67, 72; Cooper 1987: 185–191; Maxwell 1999: 68, 72, 75–88; Zumoff 2010].

¹³ Оpubл. в *Survey Graphic* (1.03.1925); вошел под названием “St. Isaac’s Church, Petrograd” в собрание избранных стихотворений – *Selected Poems of Claude McKay* (1953).

живо воплощенной в камне» (man's divinity alive in stone). Последним стихотворением, написанным в России, стал «Петроград: Первомай» ("Petrograd: May Day", опубли. в *Liberator*, vol. 8, no 64, 1923, August), в котором выразился энтузиазм поэта, приобщившегося к яркому празднованию дня трудящихся. В своих мемуарах Маккей утверждает, что стихотворение произвело фурор: «Меня засыпали похвалами. Что стихотворение будут хвалить коммунисты, было ясно заранее. Но я был

Стихотворение «В цепях» ("In Bondage"). Автограф К. Маккея. Источник: ОР ИМЛИ.

особенно рад тому, что меня хвалила петроградская интеллигенция... переводчик Уолта Уитмена [К. Чуковский. – *О.П.*] сказал, что это классика» [McKay 1970: 223].

Маккей с гордостью пишет о том, что в России он заслужил признание как поэт; символом этого признания он счел подаренный ему портрет молодого Пушкина, в котором были явственно различимы негритянские черты. Этот портрет представлял для Маккея особую ценность [McKay 1970: 169–170]. Т. Тагирова-Дейли сообщает, что обнаружила этот портрет в коллекции негритянской литературы и искусства Дж. Уэлдона Джонсона в отделе рукописей библиотеки редких книг и рукописей Бейнеке Йельского университета [Tagirova-Daley 2014: 70]. Об особой любви Маккея к Пушкину, которого «поэт с острова Ямайка» почитал как собрата по расе и по поэтическому цеху, ставшего величайшим национальным русским поэтом, упоминает и Н. Чуковский в своем очерке о Клоде Маккее [Чуковский 1989: 206].

В своих воспоминаниях о поездке в СССР Маккей постоянно подчеркивает, что для него самым важным было общение с русской интеллигенцией, литературными и артистическими кругами. Это справедливо не только для его мемуаров «Далеко от дома» 1937 года, но и для написанной «по горячим следам» большой статьи «Советская Россия и негр», опубликованной Уильямом Дюбуа на рубеже 1923–1924 гг. в двух номерах журнала *Crisis* [McKay 1923–1924]. Маккей оставил зарисовки «кафе поэтов на Тверской» (кафе «Домино») ¹⁴, а также Дома ученых в Петрограде: там, в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича Романова, Маккею выделили комнату для проживания, и он мог участвовать в проходивших там встречах творческой и научной интеллигенции:

Большую часть свободного времени я проводил в беспартийных и антибольшевистских кругах. Отель «Люкс» в Москве угнетал меня, тамошний ресторан был сущим проклятием, и мне до смерти надоели пролетарские делегаты из разных стран, которые напускали на себя такой постный вид, словно они были посланцами Царя Небесного, а не представителями рабочего класса. Поэтому я нередко проводил вечера в кафе «Домино», славном логове литераторов-любителей. Бывали

¹⁴ Самый популярный в Москве литературный клуб, расположенный по адресу Тверская ул. д.18, где проходили собрания московского отделения Всероссийского союза поэтов.

там анархисты и меньшевики, и разные молодые люди, жаждущие почитать свои сочинения и поспорить о литературе. Однажды я видел там романиста Пильняка [Б. Пильняка. – *О.П.*], критика Оконоффа¹⁵, Феодора – переводчика По¹⁶, одного редактора, театрального режиссера и их молодых последователей: сидя за кружкой пива, они вели интереснейшую литературную дискуссию. Здесь всегда была музыка, отлично пели народные песни и очень плохо играли на скрипке. Место это больше напоминало второразрядное кабаре, чем поэтический клуб, но несмотря на это там было хорошо – милая беседа, дружеские шутки – все, что нужно для приятного вечера. В этой непринужденной обстановке я отдыхал после трудового дня за письменным столом.

Вечера пролетарских поэтов на Арбате¹⁷ были более серьезными. Там во главе стояли коммунисты, публика была рабочая, слушатели внимали всему, как отличники-первоклашки... В Петрограде встречи интеллигенции показались мне более формальными, круг более широким. Там были такие выдающиеся люди, как критик Чуковский, знаменитый романист Евгений Замятин и Майшак [Маршак. – *О.П.*] – поэт и переводчик Кипплинга. Были и представители артистического и театрального мира. На этих собраниях интеллигенции отсутствовал коммунистический дух. Если быть совсем честным, надо признать, что чувствовалась какая-то враждебность к большевикам. Меня приглашали выступить, прочесть стихи, и все относились ко мне вежливо и внимательно. В кругу этих утонченных, культурных русских, многие из которых говорили на двух или даже четырех языках, нельзя было столкнуться ни с чрезмерной корректностью, ни, напротив, с вульгарным высокомерным удивлением при виде негра-поэта. Я был для них просто поэтом, и их острые вопросы демонстрировали, что их

¹⁵ Очевидно имеется в виду Иван Александрович Аксенов (1884–1935) – поэт, литературный критик, литературовед, переводчик, друг Гумилева, Ахматовой, участник группы «Центрифуга», объединения конструктивистов, сподвижник Мейерхольда, переводчик английских драматургов-елизаветинцев.

¹⁶ Маккей имеет в виду Василия Павловича Федорова (1883–1942) – уроженца Перми, выпускника Казанского университета, одного из создателей Ордена дерзо-поэтов, поэта-переводчика Верхарна, По и др. В 1923 г. в московском издательстве «Первина» вышла книга Э. По «Поэмы и стихотворения» в переводах В.П. Федорова.

¹⁷ Возможно, имеется в виду студия Пролеткульта, располагавшаяся в бывшем особняке Арсения Морозова (Воздвиженка 16).

интересует моя поэтическая техника и мое мнение о современных литературных течениях, а не цвет моей кожи.

В последний свой приезд в Петроград я жил во дворце Великого князя Владимира-Александра, брата царя Николая II [Владимир Александрович Романов, сын Александра II. – *О.П.*]. Старенький, добрый дворецкий, который заботился обо мне, бродил, словно призрак, по огромным комнатам. Сейчас это здание стало штабом петроградской интеллигенции. Великолепный портрет Великого князя стоит в столовой за занавесками. Мне говорили, что он был свободомыслящим, покровительствовал искусствам, что его любила русская интеллигенция. Атмосфера в доме была чужда политике только на словах, а на практике я сразу ощутил явственную враждебность к большевистской власти. Но и здесь у меня были только приятные встречи, просвещающие беседы с обитателями дома и его гостями, которые открыто выражали свое неприятие советской власти, хотя им было известно, что я сочувствую новому режиму [McCaу 1923–1924: 115–116].

Маккей пишет о насыщенности своей программы в СССР – множество встреч с рабочими на фабриках и заводах, солдатами, студентами, женщинами-работницами и служащими, посещение «с разрешения военного наркома Льва Троцкого высших военных школ в Кремле и в окрестностях Москвы, Красного флота в Петрограде» [McCaу 1923–1924: 116–117]. О поездке Маккея в Кронштадт и его походах по музеям, театрам, библиотекам, о встречах с писателями и творческими работниками, о череде выступлений на предприятиях и в учреждениях пишет в своих «Литературных воспоминаниях» и Н. Чуковский [Чуковский 1989], сопровождавший поэта в Петрограде в качестве переводчика и гида. Маккей близко подружился с его отцом, К.И. Чуковским, и проникся к нему величайшим почтением, аттестуя его как «западника», англомана – поклонника англо-американской культуры [McCaу 1923–1924: 117–118].

Поэт провел в СССР около полугода – до конца мая 1923 г.; находился он преимущественно в Петрограде. В фондах РГАЛИ сохранились два письма Маккея П.Ф. Охрименко, который переводил стихи Маккея, а также сотрудничал с поэтом в подготовке его «русских книг» «Негры в Америке» и «Судом Линча». Эти письма позволяют довольно точно датировать момент отъезда Маккея из СССР (отъезд сопровождался бюрократическими проволочками) и его прибытия в Берлин. Из писем ясно, насколько серьезно Маккей воспринял обращенные к нему

слова Троцкого о пропаганде как первоочередной задаче афроамериканских левых интеллектуалов. Письма также пополняют сведения о московском и берлинском круге общения Маккея и о его интересах в области изобразительного и театрального искусства.

Приезд Маккея вызвал волну интереса и к его стихам, переводы которых в 1923 г. печатались в журналах «Красная нива» [Маккей 1923а], «Современный запад» [Маккей 1923б]. Следующая значительная публикация приходится на 1927 г. – три стихотворения («Белый город», «Когда мы умрем», «Призыв») в переводе Т. Левит появились в американской подборке поэтической антологии современной зарубежной поэзии [Революционная поэзия 1927: 185–210]. При этом литературные критики вплоть до конца 1920-х о Маккее практически не писали; в первой половине 1920-х гг. вышли только две небольшие статьи, в которых Клод Маккей аттестовался как прогрессивный чернокожий поэт и друг СССР [В.В. 1923; Козицын 1923].

Ситуация изменилась, когда в Штатах вышли романы К. Маккея «Домой в Гарлем» (*Home to Harlem*, 1927) и «Банджо» (*Banjo*, 1929). Первый из них, во многом следующий традициям изображения «веселого Гарлема», созданным К. Ван Вехтеном в романе «Черномазый раек» (*Nigger Heaven*, 1926), стал самым знаменитым произведением Маккея, вызвал острую полемику в афроамериканских литературных кругах и дал основание причислять Маккея к т.н. «ван-вехтенитам» – афроамериканским писателям-последователям Ван Вехтена, которые подчеркивали самобытность черной культуры, различия между черной и белой расами и составили оппозицию «кругу У. Дюбуа». Сам же Дюбуа в резко отрицательной рецензии заявил, что роман Маккея «вызывает тошноту, и в нем столько грязных сцен, что после чтения хочется принять ванну» [DuBois 1928]. Первый русский перевод З. Вершининой (в журнальном варианте), был опубликован стремительно – спустя год после выхода романа в Штатах [Маккей 1928а], а в 1929 г. вышло книжное издание в переводе М. Волосова [Маккей 1929а]. В том же 1929 г. в «Вестнике иностранной литературы» появился перевод рассказа Маккея «Непутевый» [Маккей 1929б], а до этого – его стихотворений [Маккей 1928б]. В 1930 г. также очень оперативно был издан русский перевод романа «Банджо» [Маккей 1930].

Отклики на романы конца 1920-х позволяют ясно видеть эволюцию отношения советской критики к негритянскому писателю, который из «попутчика» все больше превращается в «мелкобуржуазного националиста».

Наиболее благожелательно о первом романе Маккея отозвался известный переводчик и критик И.А. Кашкин в «Вестнике иностранной литературы»: он указал на близость романов «Домой в Гарлем» и «Черномазый раек», отметив, что белый автор Ван Вехтен выступает как сторонний наблюдатель, а чернокожий поэт близко знает жизнь обитателей Гарлема, которую он «незлобиво и любовно изображает в своем романе» [Кашкин 1928: 143]. Определив основной конфликт романа – «противопоставление рабочего негритянского люда развращенному белыми негру-прихлебателю, паяцу, солдату-усмирителю, штрейкбрехеру, негру в ливрее» [Кашкин 1928: 143], Кашкин делает акцент на том, что у Маккея много места занимают картины труда, а главные герои Джейк и Рэй – негры-пролетарии. Джейк – «щеголь», «рубаха-парень», «дубоватый», «примитивный», но обладающий гармоничной «здоровой натурой», чурающейся всякой грязи, человек прямой и искренний. Положительно оценивается и образ более сложного персонажа, интеллектуала Рэя: Кашкин считает его «двойником» самого Маккея, отмечает, что он неустанно занимается самообразованием, знает и любит литературу, поэзию, в том числе и русских авторов (Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев). Отсутствие советских писателей в этом ряду Кашкин восполняет, констатируя, что «самородку Маккею кровно ближе творчество мастеров типа Горького» [Кашкин 1928: 144], и сопоставляет некоторые сцены романа Маккея с эпизодами автобиографической трилогии Горького. Отмечает Кашкин и такие достоинства, как «обаятельная простота и художественная пластичность» [Кашкин 1928: 143], музыкальность и ритмичность романа: «Негр, да притом веселящийся негр – это воплощенная музыка, очеловеченный ритм» [Кашкин 1928: 144].

У других рецензентов «Домой в Гарлем» получил амбивалентную оценку. Главный персонаж Джейк расценивался как убедительно нарисованный тип «несознательного» пролетария, «которого не очень тревожат ни социальные, ни расовые вопросы», хотя «в нем жив и крепок... инстинкт класса», который он по своей наивности «принимает за “порядочность”» [Виноградская 1929]. Интеллектуал и книголюб Рэй, выходец с Гаити, вынужденный, несмотря на полученное им высшее образование, работать стюардом на железной дороге, аттестуется как «сознательный пролетарий», который, впрочем, как и Джейк неспособен к борьбе: «Свою энергию он топит в чтении книг, как Джек – в ночном веселье. И Джек, и Рей духовно опустошены. Жизнь их зажата в тесном Гарлеме, где негры сбиты, как сельди в бочке», «смолоты жерновами капитализма» [Виноградская 1929]. Были и еще более резкие оценки

образа Рэя: «...интеллигентный негр-неврастеник, понимающий, что он пария, издерганный, непригодный для участия в социальной борьбе» [Фрид 1929: 238].

Неоднозначную оценку получили те черты романа, которые давали основание причислять Маккея к «ван-вехтенитам». Среди достоинств книги называли красочность, живописность образа Гарлема, «пылкого, страстного, грубого, бесшабашного, тесного» [Виноградская 1929], однако критиковалась «односторонность» изображения негр-итянского гетто:

Роман рисует нам лишь одну сторону жизни в Гарлеме – «при-тон, кабак, игорный дом, где рабочий негр расходует избыток энергии, предается пьянству, кокаину, танцам, продажной любви и поножовщине [Виноградская 1929].

Я. Фрид подчеркивает, что «зарисовки» Маккея, выполненные в духе «примитивного, наивного реализма», смотрятся невыигрышно в сопоставлении с социальной прозой о неграх Уолтера Уайта или Драйзера, где показаны негры «голодающие, которых преследуют, насилюют, линчуют» [Фрид 1929: 238]. Хотя в рецензиях С. Виноградской и Я. Фрида не упоминается «Черномазый раек», однако претензии к роману Маккея сродни тем, что предъявлялись Ван Вехтену (например, что книга написана «пассивным отображателем» и не является шагом вперед); более того, вчерашний делегат IV Конгресса Коминтерна ставится в ряд с буржуазными писателями, в частности с французским беллетристом Полем Мораном, которого советские критики неоднократно аттестовали как декадента, расиста и фашиствующего реакционера:

Подчеркивая местами «животный» оттенок темпераментности негров, силу «африканского атавизма» писатель как бы протягивает руку... сверхэлегантному Полю Морану, автору антинегритянской «Черной магии» [Фрид 1929: 238].

Отзывы о следующем романе «Банджо» уже сугубо негативные. Обе рецензии – Б. Песиса и А. Старцева – единодушно оценивают «Банджо» как роман неудачный и идейно вредный. Суть претензий лаконично сформулирована Б. Песисом в самом начале его рецензии, которая носит выразительное название «Курс на арьергард»:

В лице Мак-Кея мы привыкли видеть писателя, близкого пролетариату, классу, который способен освободить негр-итянскую массу от

капиталистического гнета. Роман «Банджо» показывает, что эволюция Мак-Кей в этом направлении не только не завершена, но прямо поставлена под угрозу [Песис 1930: 16].

Герои этого романа – «негритянские бродяжничающие матросы», «негро-матросская богема» – трактуются как представители «деклассированного слоя» с их «никчемной негритянской вольницей», которых «белые эксплуататоры могут угнетать как им угодно» [Песис 1930: 16, 17]. Черты «примитива», которыми Маккей наделил и Джейка, и Банджо, осуждаются как биологизаторство и экзотизм: «Клод Мак-Кей низводит своих героев до уровня “прямых” экземпляров негритянской расы, изблюбленных буржуазной литературой»; «чисто биологический оптимизм негров» скрывает «социальную никчемность героев», их «беспомощность перед лицом капиталистической цивилизации» [Песис 1930: 17].

Однако еще больше беспокоит критиков «изрядно путаная расовая и политическая философия» [Старцев 1931: 236] «интеллектуального бродяги» Рэя, alter ego автора романа – смесь учения Ганди, толстовства и конфуцианства при отсутствии упоминаний о русской революции. Б. Песис с возмущением пишет о «развинченном вольнодумце Рее», его «мьюзикхолльном снобизме и гедонизме», «мещанском свинстве» [Песис 1930: 17]. Главным прегрешением Рэя критики единодушно считают его презрение к «серому нивелированному пролетариату», «пролетарской мелюзге цивилизации» [Песис 1930: 17] и его негритянский национализм: Рэй не видит союзника в белом пролетариате и отвергает весь «белый мир», противопоставляя его «негритянскому миру». Вывод – Маккей, вместо того, чтобы звать негров к борьбе против империализма, предлагает «национал-буржуазное разрешение негритянской проблемы» [Песис 1930: 18]:

Рэй совершенно недвусмысленно говорит о биологической, чуть ли не сексуальной основе неискоренимого расового различия... Расовый шовинизм подает руку идеологам империализма. [...] Мак-Кей выдает себя, когда заставляет того же Рэя говорить о том, что белые погибают от разделения на классы, и идеализировать примитивную жизнь «черных», якобы такого разделения не имеющих. [...] Значит – опять «в Гарлем»? Или, может быть, в Африку? Ближе к природе, к стихийной первобытной жизни полудиких негрских племен? Вредная, реакционная философия! [Старцев 1931: 236]

Для А. Старцева Маккей – друг СССР, левый писатель, но при этом «люмпен-интеллигент», «запутавшийся в сетях, расставляемых реакционерами»: «Мак-Кей не связан с негритянским пролетариатом. Среда, питающая его творчество, – это бунтарская интеллигенция, деклассированные городские низы» [Старцев 1931: 236]. Именно в этом Старцев усматривает причину тяготения Маккея к «экзотике» и «расовому шовинизму» и, в итоге, «подыгрыванию под вкус белого человека» [Старцев 1931: 236]. Б. Песис еще более пессимистичен: он полагает, что Маккей скорее всего окончательно свернет «с широкого пути революционной литературы на путь, ведущий к растворению в буржуазной литературе Европы и Америки» [Песис 1930: 18].

Классовое чутье не подвело советских критиков, подметивших в романах Маккея «опасные тенденции», чреватые отходом от пролетариата и единственно верного мировоззрения. Из «попутчика» Маккей так и не стал коммунистом-сталинистом, а, напротив, к началу Второй мировой войны стал убежденным антикоммунистом, о чем свидетельствует, в частности, недавно обнаруженный сатирический роман «Зубастая любезность: роман о любви коммунистов и бедной черной овечки из Гарлема» [McKay 2017]¹⁸, посвященный Гарлему периода Великой депрессии и «красных тридцатых», борьбе с фашизмом, реакции черной интеллигенции и левых кругов на аннексию Эфиопии в 1935 г. Роман содержит не только характерные для Маккея сцены «веселой» гарлемской жизни, но и сатирические зарисовки, в том числе карикатуры на коммунистов.

В середине 1940-х гг. Маккей обратился в католицизм, объяснив свой выбор в небольшой публикации 1946 года в журнале *Ebony* [McKay 1946]. Став противником коммунизма и атеизма, Маккей при этом по ряду позиций сохранял левые взгляды: он сотрудничал в качестве советника по вопросам афроамериканцев при «прогрессивном» епископе Бернарде Шейле, который был известен своими выступлениями против джимкрузизма, а в 1950-е – против маккартизма [Goldwever 1999: 11–13].

¹⁸ Первое издание романа – McKay, C. *Amiable with Big Teeth: a novel of the love affair between the communists and the poor black sheep of Harlem*, eds. Jean-Christophe Cloutier, Brent Hayes Edwards. New York: Penguin Books, 2017. Рукопись этого романа в 2009 г. была обнаружена аспирантом Колумбийского университета Ж.-К. Клаутье: эта находка произвела сенсацию в афроамериканистике. См. об этом напр. [Lee 2012].

Дополнительный свет на причины такой эволюции Маккея проливают воспоминания о нем Н. Чуковского. Живо описывая привычки, внешность, вкусы, интересы и похождения «жизнерадостного, очень здорового, веселого, доброго и легкомысленного» [Чуковский 1989: 207] «поэта с острова Ямайка», Чуковский акцентирует несколько существенных моментов, и прежде всего тот факт, что для Маккея лично очень значимой и крайне болезненной темой была расовая дискриминация:

Я, как все русские, много читал об унижении негров в Америке, и то, что мне рассказывал Маккей, было для меня, в сущности, не ново, но в его рассказах был такой заряд ненависти и боли, что они потрясли меня [Чуковский 1989: 204].

Чуковский вспоминает о том, как однажды в Эрмитаже Маккей, заметив туристов-американцев, тут же отошел от картин, сел в угол на скамейку и ждал, пока те не покинут зал:

Белые американцы! Мак-Кей глядел на них молча, не двигаясь, и только все крепче сжимал мою руку. Он словно застыл от ненависти. Он не шевельнулся, пока они, осмотрев все картины, не вышли из зала [Чуковский 1989: 205].

О пылкой ненависти Маккея к белым Чуковский пишет подробно, как о черте, его поразившей. Он характеризует Маккея как «националиста» и отмечает, что его ненависть к белым было невозможно победить с помощью идейно правильных марксистских аргументов:

Он ненавидел белых, и мне никак не удавалось объяснить ему, что ненавидеть белых так же глупо, как ненавидеть черных [...] Много раз я вступал с ним в споры, пытаюсь доказать, что ненавидеть надо не белых, а капитализм. Собственно, я говорил ему то самое, что должен был бы говорить мне он, член конгресса Коминтерна. Ему, однако, подобные взгляды были совершенно чужды, и он даже не возражал против них, а просто отмахивался от них [Чуковский 1989: 207].

Чуковский констатирует, что коммунизм, конгресс Коминтерна и СССР интересовали Маккея исключительно как силы, борющиеся за равноправие негров: «Не думаю, что американские коммунисты поступили правильно, послав его делегатом на конгресс Коминтерна. О кон-

грессе этом он ничего не умел мне связно рассказать и очень мало им интересовался» [Чуковский 1989: 205]. Поразительным было и полное невежество делегата в том, что касалось «всесильного и единственно верного учения»:

Он не имел ни малейшего представления о марксизме. Пораженный, я стал толковать ему о классовом устройстве общества, о международной рабочей солидарности, об интернационализме. Но он слушал меня невнимательно и без всякого интереса. Для марксизма он казался совершенно непромокаем. Его симпатии к нашей стране строились на двух обстоятельствах: во-первых, здесь хорошо относились к неграм и, во-вторых, в жилах нашего национального поэта Пушкина текла негритянская кровь [Чуковский 1989: 205–206].

Воспоминания Н. Чуковского, конечно, субъективны и не могут восприниматься как истина в последней инстанции. Но совершенно очевидно, что Маккея расовый вопрос занимал несравненно больше классового, а его переживания «представителя угнетенной нации» – гнев, оскорбленная гордость, ненависть к белым угнетателям, сочувствие братьям по расе – значили для поэта гораздо больше, чем самая убедительная социальная теория.

Рецензии на К. Маккея в советской печати прекратились в 1931 г., как и публикация его произведений (не считая отдельных стихов в составе антологий негритянской поэзии, выходивших в первой половине 1930-х г.). К этому времени место главного чернокожего друга СССР занял Лэнгстон Хьюз.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА К. МАККЕЯ К П.Ф. ОХРИМЕНКО

May 18, 1923, Petrograd¹⁹

Dear Okhremenko,

Perhaps you are thinking that I am in Berlin by now and making preparations to return to America. But I am still bound in Russia – quite a problem for me to get out but I have hopes of leaving in a few days. I should have written before but I just could not get that list ready and now that I have it, I find that I have more friends than books and I myself can only have 2 copies which I shall be obliged if you will send to me (under cover) to George Grosz 201 Hohenzollerndamm, Berlin, Wilmersdorf. Please remember to enclose my letter to him for if I stay in Berlin a month or two to do my Russian book I must be illegal on account of the American Secret Service.

I have hardly had any news of the outside world since I left Moscow – no English and American papers available here so far. But I have been busy writing, attending meetings, and getting final observations and impressions for propaganda – of which Petrograd has a rich stove.

When you write to me please give me some interesting facts and news of Russian events and of English and American guests in Moscow. I shall write to you at intervals – not very often but I will always write. Remember me to your wife and I hope the baby is OK. And let me thank you for all the help that you gave me while I was in Russia – a real god or party sent that I met you. And also be assured that you can always call on me at any time, wherever I may be located – in America or in England – to do any service for you that you may think me capable of doing.

With Communist greetings and fraternal wishes yours sincerely

Claude McKay

¹⁹ Публикация и перевод с англ. выполнены по источнику: РГАЛИ. Ф. 2854. Оп. 1. Ед. хр. 364.

~~Photograph Branch Committee
Katerinogorsky 87
May 18. 23~~

Dear Ochrimenko

Perhaps you are thinking that I am in Berlin by now and making preparations to return to America. But I am still bound in Russia - quite a problem for me to get out but I have hopes of leaving in a few days. I should have written before but I just could not get that last ready and now that I have it, I find that I have more friends than books and I myself can only have 2 copies which I shall be obliged if you will send to me (under cover) to George Grosz 201 Hohenzollernstrasse, Berlin Wilmerdorf. Please remember to enclose my letter to him, for if I stay in Berlin a month or 2 to do my Russian book I must be illegal on account of the American Secret Service.

I have hardly had any news of the outside world since I left Moscow - no English and American papers available here so far. But I have been busy writing attending meetings and getting final observations and impressions for propaganda - of which Petrograd has a rich store.

When you write to me please give me some interesting facts or news of Russian events and of English and American quiet in Moscow. I shall write to you at intervals - not very often but I will not forget. Remember me to your wife and hope the baby is OK.

Письмо К. Маккея к П.Ф. Охрименко 18 мая 1923 г. Автограф Маккея.
Источник: фонд П.Ф. Охрименко в РГАЛИ

[ПЕРЕВОД]

18 мая 1923 г., Петроград.

Дорогой Охрименко,

Вероятно, Вы думаете, что я уже в Берлине и готовлюсь к отъезду в Америку. Но я все еще в России – выехать отсюда для меня оказалось непросто, но я надеюсь, что все же уеду через несколько дней. Я должен был бы написать раньше, но я все никак не мог составить список, а теперь, когда он готов, выясняется, что друзей у меня больше, чем книг²⁰, а сам я могу взять только два экземпляра. Буду благодарен, если Вы пошлете их мне на имя Георга Гросса по адресу: 201 Hohenzollerndamm, Berlin, Wilmersdorf²¹. Пожалуйста, не забудьте приложить мое письмо к нему, потому что если я пробуду в Берлине месяц или два, работая над моей русской книгой, американская Секретная служба сочтет меня нелегалом.

С тех пор, как я покинул Москву, у меня почти нет известий из внешнего мира – пока не удалось достать ни английских, ни американских газет. Но я все время занят: пишу, бываю на митингах и коплю последние наблюдения и впечатления, которые можно использовать для пропаганды – Петрограду есть, что предложить в этом смысле.

Когда будете писать мне, пожалуйста, сообщите о том, что интересного происходит в России, и об английских и американских гостях в Москве. Я буду писать Вам время от времени – не очень часто, но постоянно. Передайте привет супруге. Надеюсь, Ваш малыш в добром здравии. Хочу поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для меня, пока я был в России, – не иначе Бог или Партия послали Вас мне. Знайте, что Вы всегда можете рассчитывать на меня, где бы я ни находился – в Америке или в Англии, и я всегда буду готов сделать для Вас все, что смогу.

С коммунистическим приветом и братскими пожеланиями искренне Ваш
Клод Маккей.

²⁰ Видимо, речь идет о списке знакомых Маккея, которым он хотел подарить свою книгу «Негры в Америке».

²¹ Георг Гросс (George Grosz, наст. имя Georg Ehrenfried Groß, 1893–1959) – немецкий художник, участник берлинской группировки дадаистов. В 1916 г. изменил написание имени, «англизировав» его в знак любви к Америке. Участвовал в спартаковском восстании 1919 г., стал членом Спартаковской лиги / компартии Германии (1919–1923), в 1923 г. входил в т.н. «Красную группу» пролетарских художников, близких к компартии. Неоднократно приезжал в СССР. Первый приезд состоялся в 1922 г.: Гросс прибыл в Мурманск вместе с М. Андерсеном-Некесе, провел в Советском Союзе полгода, встречался с советскими государственными и партийными лидерами (Лениным, Луначарским, Зиновьевым).

June 30, 1923, Berlin²²

Dear Ohrenenko,

I hope that you got the letter and list of names I sent on to you from Petrograd. After a very long wait in Petrograd I arrived safely in Berlin a month ago, and after a very long wait and correspondence my documents arrived from Moscow only yesterday! I am hungry for some news of things since I left. I think I must have grown rather attached to the country without knowing it although it is Petrograd and not Moscow that holds my affection. Is there any news of my book, my articles and my play? I am also anxious to know if you can get the photographs of the plays from Meyerhold's theatre which I begged of you. I have not yet got in touch with my comrades in America. It is a great difficulty and the official channels seem cobwebbed with inefficiency! What has become of Eastman and Williams? Many Americans here are asking for them – also Germans who met them in Russia. Berlin is a sadly depressing city for me. Here is plenty of civilization gaiety and luxury. But such despair and obvious signs of decadence and demoralization I have never yet witnessed in my life in any great city. Moscow and Petrograd looking forward are infinitely better. In Berlin I see symbolized the complete crumbling of our false western civilization and all its false ideals. I wish you would write me a letter. The best greetings to your wife and the baby.

Warmest regards from Claude McKay.

[ПЕРЕВОД]

30 июня 1923 г. Берлин

Дорогой Охрименко,

Я надеюсь, что Вы получили письмо со списком имен, которое я послал Вам из Петрограда. После долгого ожидания в Петрограде месяц назад я благополучно прибыл в Берлин, и наконец после долгого ожидания и переписки мои документы вчера прибыли из Москвы! С тех пор, как я уехал, я жажду новостей. Кажется, я незаметно для себя очень полюбил Россию, и все-таки, мой любимый город Петроград, а не Москва. Есть ли новости о моей книге, статьях, пьесе? Также очень хочу узнать, сможете ли Вы достать фотографии со спектаклей театра Мейерхольда, о которых я Вас просил? Я еще не общался с моими американскими товарищами. Это трудно, и все официальные каналы

²² Публикация и перевод с англ. выполнены по источнику: РГАЛИ. Ф. 1673. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1.

совершенно неэффективны! Как дела у Истмена и Уильямса²³? Здесь многие американцы спрашивают про них – а также немцы, которые встречались с ними в России. Берлин действует на меня угнетающе. Это центр цивилизации, здесь царят веселье и роскошь. И все же я ни разу не встречал столько примет отчаяния и явного упадка ни в одном из больших городов. В Москве и Петрограде гораздо лучше. Берлин для меня символизирует полное падение нашей фальшивой западной цивилизации, всех ее фальшивых идеалов. Очень хотел бы получить от Вас письмо. Лучшие пожелания Вашей жене и ребенку.

С теплым приветом,

Клод Маккей.

ПИСЬМО К. МАККЕЯ В СЕКРЕТАРИАТ ИККИ²⁴

Дорогие товарищи!

Настоящим прошу отправить меня обратно в Америку, как только у вас появится возможность, поскольку моя работа здесь окончена, и я бы хотел вернуться, чтобы отчитаться перед моими товарищами и написать книгу, для которой я собирал здесь материал.

Меня попросили представить данные объяснения, так как был поднят вопрос о законности моего пребывания в Москве и о моих связях с Коминтерном.

Я был послан в Россию в силу следующих обстоятельств: как сказал в своем выступлении на состоявшейся в июле 1922 г. XII конференции Национальной Ассоциации содействия прогрессу цветного населения ее председатель (белый адвокат из Бостона), если мы не признаём Россию ввиду варварских действий ее правительства, то, учитывая, что негры в Америке преследуются подобным же образом, нам следовало бы отказаться также и от связей с южными штатами, пока негры там не будут считаться за людей²⁵. В НАСПЦН сейчас числится

²³ Макс Истмен и Альберт Рис Уильямс, как и Маккей, участвовали в IV Конгрессе Коминтерна.

²⁴ Документ не датирован. Скорее всего был написан весной (март-апрель) 1923 г. Публикация выполнена по источнику: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 261. Д. 3993. Перевод с нем. О.Р. Губецкова.

²⁵ Неточность в документе: речь идет о XIII ежегодной конференции НАСПЦН, проходившей с 18 по 24 июня 1922 г. в Ньюарке (шт. Нью-Джерси). На открытии конференции Морфилд Стори (Moorefield Storey, 1845–1929) – уроженец

100 000 человек, и она обладает самым большим влиянием на негритянские массы в Америке после негритяно-сионистской организации²⁶.

Несколько недель спустя руководство Африканского кровного братства на своем собрании рассмотрело это заявление. Было решено, что я отправлюсь в Россию для изучения местных условий и написания пропагандистской брошюры, предназначенной, главным образом, для американских негров. Однако у нашей организации не было денег для оплаты моей поездки, т.к. у президента незадолго до того был судебный процесс с руководителем движения «Назад в Африку». Тогда было решено продать часть тиража моего последнего поэтического сборника²⁷ по специально установленной цене для покрытия расходов на мое путешествие. Однако вырученных средств хватало лишь на мои необходимые личные потребности.

Тем не менее, я был готов из симпатии к России устроиться работать на пароход кочегаром, чтобы добраться из Нью-Йорка до Ливерпуля. Из Ливерпуля я отправился в Лондон, а оттуда – в Берлин, где предоставил свою рекомендацию представителю коммунистической партии Англии, с которым я работал в Лондоне в 1920 г. Затем я был отправлен в Москву вместе с британской делегацией.

Там я представил на рассмотрение товарищу Карру, руководителю американской делегации, свой мандат члена Африканского кровного братства, члена Рабочей партии и редактора *Liberator*. Однако товарищ Карр заявил, что ему ничего не известно об Африканском братстве крови, хотя восемь его членов были также членами нелегальной и легаль-

Бостона, адвокат, антиимпериалист, пацифист, активист движения против расовой дискриминации за права афроамериканцев, первый президент НАСПЦН (1909–1929), в частности, сказал: “We refuse to have intercourse with Russia because her government murders its citizens, destroys their property and commits cruelties of every kind. Why not apply the same rule at home? There are such things as boycotts. Everywhere men are striking for higher pay or less work. Would a strike for life and liberty by Negroes in the South be wholly unjustifiable?” (Мы отказываемся иметь дело с Россией, поскольку ее правительство убивает своих граждан, уничтожает их собственность и совершает прочие жестокости. Почему бы не применить этот принцип у себя дома? Для этого и существует бойкот. Повсюду проходят забастовки с требованием увеличить зарплату или сократить рабочий день. Разве забастовка с требованием обеспечить неграм право на жизнь и свободу на Юге была бы не оправданна?) [Перевод мой. – О.П.]. [Цит. по: “The Thirteenth Annual Conference of the NAACP.” *The Crisis* XXIV:4 (Aug 1922): 165.]

²⁶ Маккей имеет в виду движение Маркуса Гарви.

²⁷ Поэтический сборник К. Маккея «Тени Гарлема» (*Harlem Shadows*) с предисловием Макса Истмена вышел в 1922 г. (New York: Harcourt, Brace & Co Inc.).

ной компартии Америки²⁸ и очень часто упоминались в газетах в 1921 г. во время расовых беспорядков²⁹. Поэтому лишь через 10 дней я был признан делегатом Конгресса, когда прибыл другой делегат-негр (член нелегальной партии и Африканского братства крови)³⁰. Он подтвердил подлинность моих документов, моя кандидатура была одобрена и в качестве делегата я принял участие в обсуждении негритянского вопроса. Во время конгресса американская делегация собралась для совещания по вопросу нашего возвращения в Америку. Вопрос был поручен товарищу Биллингу, и я был внесен в список вместе с остальными.

Товарищ Трахтенберг³¹, находящийся сейчас здесь, также присутствовал на этом совещании. Кстати, я мог бы вернуться обратно вместе с ним, но мне пришлось остаться [в СССР] на некоторое время, чтобы собрать материал для моей книги. Помимо этого, ко мне обратилось государственное издательство из Москвы с просьбой написать книгу о положении негров в Америке, что мне показалось очень важной задачей. За эту работу мне заплатили³². После ее завершения я передал свой паспорт товарищу Гроллю, поскольку мне уже хотелось вернуться, и был удивлен, когда он объявил мне, что не нашел моего имени в списке американских делегатов.

Я написал в Америку, чтобы получить более убедительный мандат от моей организации – но мои письма были задержаны в Берлине “American Express Company”, которая потребовала вначале предъявить мой паспорт.

С братским приветом

Клод Маккей.

Москва, гостиница «Люкс»³³

²⁸ Рабочая партия Америки (Workers Party of America) была названием легальной партийной организации, использовавшимся Коммунистической партией США с конца 1921 г. до середины 1929 г.

²⁹ Очевидно, имеется в виду нападение белых на негритянские кварталы в г. Талса (шт. Оклахома) 31 мая – 1 июня 1921 г., которое считается одним из крупнейших случаев расового насилия в истории Соединенных Штатов.

³⁰ Отто Хьюисвуд (Биллинг).

³¹ Александр Трахтенберг (1884–1966) – коммунист, один из основателей и руководителей издательства “International Publishers” (1924), печатавшего коммунистическую и леворадикальную литературу.

³² Речь идет об изданной в СССР книге К. Маккея «Негры в Америке» (М.-Пг.: Госиздат, 1923).

³³ Бывшая гостиница «Франция», переименованная в гостиницу «Люкс» после 1917 г. (ныне «Центральная») по адресу ул. Тверская, 10 была

[Резолюция]³⁴

Товарищ Трахтенберг, находящийся здесь, подтверждает, что товарищ Маккей был членом американской делегации. В соответствии с этим я полагаю, что он вправе считаться таковым. Поскольку другой делегат негритянской партии позаботился о Маккее, и тот принял участие в негритянской комиссии, правомочность его просьбы можно считать полностью обоснованной. Я ходатайствую о предоставлении ему средств для обратного пути.

ЛИТЕРАТУРА

- [В.В. 1923] – *В.В [В.Василенко]*. Клод Мак-Кей // Красная нива. 1923. № 1. С. 15.
- [Виноградская 1929] – *Виноградская С.* Клод Мак-Кей. Домой в Гарлем. [Рецензия] // Книга и революция. 1929. № 8. С. 59.
- [Кашкин 1928] – *К-н И. [Кашкин И.А.]* Новое в негритянской литературе // Вестник иностранной литературы. 1928. № 10. С. 143-149.
- [Козицын 1923] – *Козицын М.* Клод Мак-Кей /// Литературный еженедельник. 1923. № 8. С. 16.
- [Ленин 1981] – *Ленин В.И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для Второго съезда Коммунистического Интернационала) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 161-168.
- [Маккей 1923а] – *Маккей К.* Америка. В плену. Суд Линча. Усталый рабочий / пер. В. Василенко, П. Охрименко // Красная нива. 1923. № 2. С. 22.
- [Маккей 1930] – *Маккей К.* Банджо / пер. З. Вершининой. М.: Госиздат, 1930.
- [Маккей 1928а] – *Маккей К.* Домой в Гарлем / пер. З. Вершининой // Вестник иностранной литературы. 1928. № 11. С. 33-95.
- [Маккей 1929а] – *Маккей К.* Домой в Гарлем / пер. М. Волосова. М.-Л.: ЗиФ, 1929.
- [Маккей 1923в] – *Мак-Кэй К.* Негры в Америке. - М.-Пг.: Госиздат, 1923.
- [Маккей 1929б] – *Маккей К.* Непутевый / пер. Н. Яковлева // Вестник иностранной литературы. 1929. № 5. С. 111–125.
- [Маккей 1923б] – *Маккей К.* Проклятие порабощенного / пер. В. Брюсова // Современный запад. 1923. № 2. С. 112.
- [Маккей 1928б] – *Маккей К.* Север и Юг. Стихи / пер. М. Зенкевича // Вестник иностранной литературы. 1928. № 2. С. 186.

в 1920–1930-е гг. гостиницей Коминтерна, где селили делегатов Конгрессов III Интернационала, работников Коминтерна, политических эмигрантов-коммунистов.

³⁴ Подпись и дата отсутствуют.

[Маккей 1925] – Мак-Кэй К. Судом Линча. Рассказы о жизни негров в Северной Америке / пер. А.М., П. Охрименко. М.: Огонек, 1925.

[Негритянский вопрос 1922] – Негритянский вопрос. Доклад т. Биллингса. Речь т. Маккея // Известия. 1922. 6 ноября.

[Песис 1930] – Песис Б. Курс на арьергард // Книга и революция. 1930. № 29–30. С.16–18.

[Революционная поэзия 1927] – Революционная поэзия современного Запада. М.: Московский рабочий, 1927.

[Старцев 1931] – Старцев А. В Гарлем, в Гарлем! // Октябрь. 1931. № 4–5. С. 236.

[Фрид 1929] – Фрид Я. Клод Мак-Кей. «Домой в Харлем», пер. М. Волосова // Новый мир. 1929. № 6. С. 237–238.

[Чуковский 1989] – Чуковский Н. Поэт с острова Ямайка // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 200–208.

[Baldwin 2002] – Baldwin, K.A. *Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963*. Durham, NC: Duke University Press, 2002.

[Blakely 1986] – Blakeley, A. *Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought*. Washington, DC: Howard University Press, 1986.

[Carew 2009] – Carew, J. G. *Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise*. Trenton: Rutgers University Press, 2009.

[Carew 2014] – Carew, J.G. “Translating Whose Vision? Claude McKay, Langston Hughes, Paul Robeson and the Soviet Experiment.” *Intercultural Communication Studies* XXXIII: 2 (2014): 1–16.

[Cooper 1987] – Cooper, W. F. *Claude McKay: Rebel Sojourner in the Harlem Renaissance: A Biography*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1987.

[DuBois 1928] – DuBois, W. E. B. “Two Novels.” *The Crisis* XXXV: 6 (June 1928): 202.

[Enckevort 2006] – Enckevort, M. van. “Otto Huiswood: Political Praxis and Anti-Imperialism.” *St. Martin Studies* 1–2 (2006). Online at http://consultants2006.tripod.com/st_martin_studies_2006.1-2.htm#_Toc155903776.

[Garder 1999] – Garder, J.L. “African Americans in the Soviet Union in the 1920s and 1930s: the Development of Transcontinental Protest.” *Western Journal of Black Studies* XXIII: 3 (Fall 1999): 190–200.

[Goldwever 1999] – Goldweber, D. “Home at Last. The Pilgrimage of Claude McKay.” *Commonwealth* (Sept. 1999): 11–13.

[Gosciac 2008] – Gosciac, J. “Claude McKay and the ‘Black Specter’ of African American Poetry in the 1920s.” *Modernism on File: Writers, Artists, and the FBI, 1920–1950*, eds. C.A. Culleton, K. Leick. New York: Palgrave Macmillan, 2008: 73–104.

[Haas 2007] – Haas, A. “‘To Russia and Myself’: Claude McKay, Langston Hughes and the Soviet Union.” *Transatlantic Negotiations*, eds. C. Buschendorf, A.Franke. Heidelberg: Winter Verlag, 2007: 111–131.

[Iuliano 2015] – Iuliano, F. “Claude McKay tra Stati Uniti e Unione Sovietica: identità afroamericana e utopia socialista.” *Between* V: 10 (Nov. 2015). Online at: <http://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/1507/1885>.

[Jarrett 2007] – Jarrett, G.A. “Introduction.” McKay C. *A Long Way from Home*, ed. G.A. Jarrett. New Brunswick, NJ; London: Rutgers University Press, 2007: xvii–xxxviii.

[Lee 2012] – Lee, F.R. “New Novel of Harlem Renaissance is Found.” *The New York Times* (14 Sept. 2012).

[McKay 2017] – McKay, C. *Amiable with Big Teeth: a novel of the love affair between the communists and the poor black sheep of Harlem*, eds. J.-C. Cloutier, B. H. Edwards. New York: Penguin Books, 2017.

[McKay 1970] – McKay, C. *A Long Way from Home* (1937). New York: Harcourt, Brace, and Janovich, 1970.

[McKay 1979] – McKay, C. *The Negroes in America*, ed. A.L. McLeod, transl. R.J. Winter. New York: Kennikat Press, 1979.

[McKay 1923] – McKay, C. “The Racial Issue in the USA.” *International Press Correspondence* II: 101 (Nov 21, 1923): 817.

[McKay 1923–1924] – McKay, C. “Soviet Russia and the Negro.” *The Crisis* XXVII: 2 (Dec 1923): 61–65; *The Crisis* XXVII: 3 (Jan 1924): 114–118.

[McKay 1977] – McKay, C. *Trial by Lynching: Stories about Negro Life in North America*, transl. R. Winter. Mysore, India: Centre for Commonwealth Literature and Research, 1977.

[McKay 1946] – McKay, C. “Why I Became a Catholic.” *Ebony* I (March 1946): 32.

[McLod 1980] – McLeod, M.B. “Claude McKay’s Russian Interpretation: *The Negroes in America*.” *CLA Journal* XXIII: 3 (March 1980): 336–351.

[Maxwell 1999] – Maxwell, W.J. *New Negro, Old Left: African American Writing and Communism between the Wars*. New York: Columbia University Press, 1999.

[Ramesh Rani 2006] – Ramesh, K.S., Rani, K.N. *Claude McKay: The Literary Identity from Jamaica to Harlem and Beyond*. Jefferson, NC; London: McFarland and Co, 2006.

[Report on the Negro Question 1923] – “Report on the Negro Question. Billings. McKay.” *International Press Correspondence* III: 2 (5 Jan 1923): 14–17.

[A Stranger in the Village 1998] – *A Stranger in the Village: Two Centuries of African American Travel Writing*, eds. F.J. Griffin, C. J. Fish. Boston: Beacon Press, 1998.

[Tagirova-Daley 2012] – Tagirova-Daley, T. A. *Claude McKay’s Liberating Narrative. Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections*. New York: Peter Lang, 2012.

[Tagitova-Daley 2014] – Tagirova-Daley, T.A. “‘A Vagabond with a Purpose’: Claude McKay and His International Aspirations.” *FIAR. The Journal of the International Association of Inter-American Studies* VII: 2 (July 2014): 55–71.

[Tillery 1992] – Tillery, T. *Claude McKay: A Black Poet’s Struggle for Identity*. Amherst, MS: University of Massachusetts Press, 1992.

[Trotzky 1923] – “Trotzky on the Negro Question. A letter from comrade Trotzky to comrade McKay.” *International Press Correspondence* III: 10 (March 1923): 158–159.

[Turner 2005] – Turner, J. M. *Caribbean Crusaders and the Harlem Renaissance*. Champaign: University of Illinois Press, 2005.

[Zumoff 2010] – Zumoff, J. A. “Mulattoes, Reds, and the Fight for Black Liberation in Claude McKay’s ‘Trial by Lynching’ and ‘Negroes in America’.” *Journal of West Indian Literature* XIX: 1 (Nov 2010): 22–53.

REFERENCES

Baldwin, K.A. *Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963*. Durham, NC: Duke University Press, 2002.

Blakeley, A. *Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought*. Washington, DC: Howard University Press, 1986.

Carew, J. G. *Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise*. Trenton: Rutgers University Press, 2009.

Carew, J.G. “Translating Whose Vision? Claude McKay, Langston Hughes, Paul Robeson and the Soviet Experiment.” *Intercultural Communication Studies* XXXIII: 2 (2014): 1–16.

Chukovsky, N. “Poet s ostrova Iamaika.” [“A Poet from Jamaica.”]. Chukovsky, N. *Literaturnye vospominaniia* [*Literary memoirs*]. Moscow: Sovetskiy pisatel' publ., 1989: 200–208. (In Russ.)

Cooper, W. F. *Claude McKay: Rebel Sojourner in the Harlem Renaissance: A Biography*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1987.

DuBois, W. E. B. “Two Novels.” *The Crisis* XXXV: 6 (June 1928): 202.

Enckevort, M. van. “Otto Huiswood: Political Praxis and Anti-Imperialism.” *St. Martin Studies* 1–2 (2006). Online at http://consultants2006.tripod.com/st_martin_studies_2006.1-2.htm#_Toc155903776.

Frid, Ia. “Klod Mak-Kei. Domoi v Harlem.” [“Claude McKay. Home to Harlem.”] *Novyi mir* 6 (1929): 237–238. (In Russ.)

Garder, J.L. “African Americans in the Soviet Union in the 1920s and 1930s: the Development of Transcontinental Protest.” *Western Journal of Black Studies*: XXIII: 3 (Fall 1999) 190–200.

Goldweber, D. “Home at Last. The Pilgrimage of Claude McKay.” *Commonwealth* (Sept. 1999): 11–13.

Gosciac, J. “Claude McKay and the ‘Black Specter’ of African American Poetry in the 1920s.” *Modernism on File: Writers, Artists, and the FBI, 1920–1950*, eds. C.A. Culleton, K. Leick. New York: Palgrave Macmillan, 2008: 73–104.

Haas, A. “‘To Russia and Myself’: Claude McKay, Langston Hughes and the Soviet Union.” *Transatlantic Negotiations*, eds. C. Buschendorf, A.Franke. Heidelberg: Winter Verlag, 2007: 111–131.

Iuliano, F. “Claude McKay tra Stati Uniti e Unione Sovietica: identità afroamericana e utopia socialista.” *Between* V: 10 (Nov. 2015). Online at: <http://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/1507/1885>.

Jarrett, G.A. “Introduction.” McKay C. *A Long Way from Home*, ed. G.A. Jarrett. New Brunswick, NJ; London: Rutgers University Press, 2007: xvii–xxxviii.

K-n, I. “Novoe v negritianskoi literature.” [“Novelties in Negro Literature.”]. *Vestnik inostrannoi literatury* 10 (1928): 143–149. (In Russ.)

Kozitsyn, M. “Klod Mak-Kei.” [“Claude McKay.”] *Literaturny ezhenedel'nik* 8 (1923): 16. (In Russ.)

Lee, F. R. “New Novel of Harlem Renaissance is Found.” *The New York Times* (14 Sept. 2012).

Lenin, V.I. "Pervonachal'nyi nabrosok tezisev po nacional'nomu i kolonial'nomu voprosam (dlia Vtorogo s'ezda Kommunisticheskogo Internatsionala)." ["Draft of the theses on the national and colonial question (for the II Congress of the Communist International)."] Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 41. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury publ., 1981: 161–168. (In Russ.)

McKay, C. *Amiable with Big Teeth: a novel of the love affair between the communists and the poor black sheep of Harlem*, eds. J.-C. Cloutier, B. H. Edwards. New York: Penguin Books, 2017.

McKay, C. *A Long Way from Home* (1937). New York: Harcourt, Brace, and Janovich, 1970.

McKay, C. *The Negroes in America*, ed. A.L. McLeod, transl. R. J. Winter. New York: Kennikat Press, 1979.

McKay, C. "The Racial Issue in the USA." *International Press Correspondence* II: 101 (Nov 21, 1923): 817.

McKay, C. "Soviet Russia and the Negro." *The Crisis* XXVII: 2 (Dec 1923): 61–65; *The Crisis* XXVII: 3 (Jan 1924): 114–118.

McKay, C. *Trial by Lynching: Stories about Negro Life in North America*, transl. R. Winter. Mysore, India: Centre for Commonwealth Literature and Research, 1977.

McKay, C. "Why I Became a Catholic." *Ebony* I (March 1946): 32.

McLeod, M.B. "Claude McKay's Russian Interpretation: *The Negroes in America*." *CLA Journal* XXIII: 3 (March 1980): 336–351.

Makkei, K. "Amerika." "V plenu." "Sud Lincha". "Ustalii rabochii" ["America." "Captive." "Lynching." "Tired worker"], transl. V. Vasilenko, P. Ohrimenko. *Krasnaia niva* 2 (1923): 22. (In Russ.)

Makkei, K. *Bandzho* [Banjo], transl. Z. Vershinina. Moscow: Gosizdat Publ., 1930.

Makkei, K. *Domoi v Garlem* [Home to Harlem], transl. Z. Vershinina. *Vestnik inostrannoi literatury* 11 (1928): 33–95. (In Russ.)

Makkei, K. *Domoi v Garlem* [Home to Harlem], transl. M. Volosov. Moscow; Leningrad: ZiF Publ., 1929. (In Russ.)

Mak-Kei, K. *Negry v Amerike* [The Negroes in America]. Moscow; Petrograd: Gosizdat Publ., 1923. (In Russ.)

Makkei, K. "Neputevyi" ["Wretched"], transl. N. Yakovlev. *Vestnik inostrannoi literatury* 5 (1929): 111–125. (In Russ.)

Makkei, K. "Proklatie poraboshchennogo" ["Curses of the enslaved"], transl. V. Briusov. *Sovremenniy zapad* 2 (1923): 112. (In Russ.)

Makkei, K. "Sever i Yug. Stikhi" ["North and South. Poems"], transl. M. Zenkevich. *Vestnik inostrannoi literatury* 2 (1928): 186. (In Russ.)

Mak-Kei, K. *Sudom Lincha* [Lynch law], transl. A.M., P. Okhrimenko. Moscow: Ogonek publ., 1925. (In Russ.)

Maxwell, W.J. *New Negro, Old Left: African American Writing and Communism between the Wars*. New York: Columbia University Press, 1999.

"Negrityanskiy vopros. Doklad t. Billingsa. Rech' t. Makkeya." ["Negro problem. Comrade Billings' report. Comrade McKy's speech."] *Izvestiya* (Nov. 6, 1922). (In Russ.)

Pesis, B. "Kurs na ar'ergard." ["Towards rear guard."] *Kniga i revoliutsiia* 29–30 (1930): 16–18. (In Russ.)

Ramesh, K.S., Rani, K.N. *Claude McKay: The Literary Identity from Jamaica to Harlem and Beyond*. Jefferson, NC; London: McFarland and Co, 2006.

"Report on the Negro Question. Billings. McKay." *International Press Correspondence* III: 2 (5 Jan 1923): 14–17.

Revoliutsionnaia poeziia sovremennogo Zapada. Moscow: Moskovsky rabochii publ., 1927. (In Russ.)

Startsev, A. "V Garlem, v Garlem!" ["To Harlem, to Harlem!"] *Oktiabr'* 4–5 (1931): 236. (In Russ.)

A Stranger in the Village: Two Centuries of African American Travel Writing, eds. F.J. Griffin, C. J. Fish. Boston: Beacon Press, 1998.

Tagirova-Daley, T. A. *Claude McKay's Liberating Narrative. Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections*. New York: Peter Lang, 2012.

Tagirova- Daley, T.A. "'A Vagabond with a Purpose': Claude McKay and His International Aspirations." *FIAR. The Journal of the International Association of Inter-American Studies* VII: 2 (July 2014): 55–71.

Tillery, T. *Claude McKay: A Black Poet's Struggle for Identity*. Amherst, MS: University of Massachusetts Press, 1992.

"Trotzky on the Negro Question. A letter from comrade Trotzky to comrade McKay." *International Press Correspondence* III: 10 (March 1923): 158–159.

Turner, J. M. *Caribbean Crusaders and the Harlem Renaissance*. Champlain: University of Illinois Press, 2005.

V.V. "Klod Makkei." ["Claude McKay."] *Krasnaia niva* 1 (1923): 15. (In Russ.)

Vinogradskaya, S. "Klod Mak-Kei. Domoi v Garlem." ["Claude McKay. Home to Harlem."] *Kniga i revoliutsiia* 8 (1929): 59. (In Russ.)

Zumoff, J. A. "Mulattoes, Reds, and the Fight for Black Liberation in Claude McKay's 'Trial by Lynching' and 'Negroes in America'." *Journal of West Indian Literature* XIX: 1 (Nov 2010): 22–53.